

20 APR 39

Москва

1564 г.

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

1939 г.

ВЕЛИКИЙ ГУМАНИСТ

Б. БАРАТОВ

В официальном литературоведении создавалась некая традиция говорить о Шекспире-драматурге и совершенно забывать о Шекспире-поэте. Между тем Шекспир был величайшим лириком своего времени. Его сонеты — это замечательные произведения английской лирики, пользовавшиеся в его время огромной популярностью, это вершина ренессансной английской поэзии. В своих сонетах он воспевае любовь и сильные страсти, красоту природы и богатую, полную радости и немеркнущей красоты жизнь. И в этом смысле его лирика реалистична.

Ярчайшим воплощением жизнеутверждающего творчества являются шекспировские комедии, в которых жизнь дана беззаботной, радостной и прекрасной. Их герои — счастливые, идеальные обитатели ожившего в яви Телеского аббатства бессмертного Рабле с его девизом «делай, что хочешь». В их жизни нет ни бурь, ни треводноты, ни трагических коллизий. Она гармонична, полна радости. Сильны их страсти, но они не приводят к драматическим столкновениям, во всем царит гуманистическая гармония, торжествует добро и красота.

Ранний период творчества Шекспира заканчивается историческими хрониками, являющимися как бы переходом к его бессмертным трагедиям. Исторические хроники охватывают 300-летний период английской истории — борьбу двух ветвей династии Плантагенетов (война Алой и Белой розы). Глубоким историческим содержанием наполнены не только такие могучие картины борьбы на государственной арене, как весь цикл исторических хроник, как «Король Лир», «Гамлет», но и поэма великой страсти «Отелло», и полная чарующего лиризма «Ромео и Джульетта», и мрачная повесть «Венецианский купец». Во всех этих произведениях Шекспир выступает как советчик истории, как «душа века». С точки зрения Шекспира, настоящим королем является тот, кто несет на себе всю тяжесть забот о стране, об Англии в целом, чье правление служит именно тому, чтобы поднять страну на недосягаемую высоту, чтобы максимально развить ее внутренние силы.

Шекспир проникает в будущее, он улавливает перспективы дальнейшего исторического развития, он понимает, что идея абсолютистской монархии даже в лучшем своем выражении также недолговечна. Она в себе самой таит ядовитые струи, которые размыкают почву под ней, подготавливая момент, когда она будет низринута в пропасть.

«Опоры твердой не построишь кровью». («Король Джон», акт 4-й, сцена 2-я).
Короли у Шекспира за редким исключением гибнут злым смертью в безвременье.

«Пусть нам расскажут грустные преданья
О смерти королей. Из них одни
Наложены, другие пали в битвах,
Иных жестоко призраки терзали
Убитых ими жертв. Иных губили
Отравой их собственные жены.
Иных во сне сразила смерть — и все —
Убиты...»
(«Король Ричард II», д. 3-я, сцена 2-я).

Шекспир не только умел видеть и понимать сущность происходящих событий и выдвигаемых историей задач, но был страстным борцом за прогрессивные исторические идеалы своего времени. Поэтому он не мог не обнаружить скрытую внутреннюю сущность развития действительности, не мог не обнажить ее до глубины, до живой ткани.

Шекспир видит, как окружающая его действительность становится хаосом эгоистических сил и устремлений, как этот хаос разрушает идеальную гармонию мира, созданную представлениями гуманистов эпохи Возрождения.

И в творчестве Шекспира открывается новый период.

Шекспир-художник попрежнему глубоко верит в человека, в его внутренние силы и возможности. Но он уже отчетливо начинает ощущать трагическую ограниченность этих возможностей. Так развивается и углубляется трагическое в его творчестве. Трагизм Гамлета-гуманиста, верившего в «homo universalis», состоит в том, что он оказывается слабым в столкновении с темными силами. Но он ос-

тается гуманистом, не отказывается от своих гуманистических идеалов.

Шекспир видит, как развивающиеся в недрах нового буржуазного общества темные силы корыстного расчета, эгоизма ведут к разрушению и гибели гуманистических идеалов. Об этом с мучительной тоской кричат герои его трагедий. Прозревая в своем безумии, король Лир в аолоте видит страшный, непреодолимый, неизбежный прирак, который сильнее всего, сильнее казавшегося ему прежде невыполнимым закона, сильнее привычного представления о добре и зле.

«Через лохмотья малый грех заметен, под шубой — скрыто все, позолоти порог и сломаешь оружие строгих судий, олень в траве, питмей былинкой свалит».

(«Король Лир», д. 4, сцена 6-я)

Тимон Афинский проклинает человечество за то, что оно сделалось рабом золота: «О алато, красивый драгоценный блеск. Здесь алато светит, чтоб облить все черное, чтоб сделать старость юной, уродство — красотой, отвагой — трусостью, ало — добром, все низкое — высоким».

Шекспир глубоко народен. Он любит народ по-настоящему, живой и крепкой любовью борца за новые идеалы. Его герои выражают уважение к «славным горожанам», «добрым коменам». В его творчестве часты мотивы подлинной любви к народу: «...народ родной! О если бы укрыться мог от брани. О если бы объятия Нептуна, что обняли тебя со всех сторон, тебя отсюда унести могли и перенести далеко... где... могли бы сменить вражду союзом тесным и не терять друг друга, как враги». («Король Джон», акт 6-й, сцена 2-я).

Народ выступает судьей над правящим миром и нередко выносит ему свой приговор. Шекспир угадывает огромную решающую силу народа.

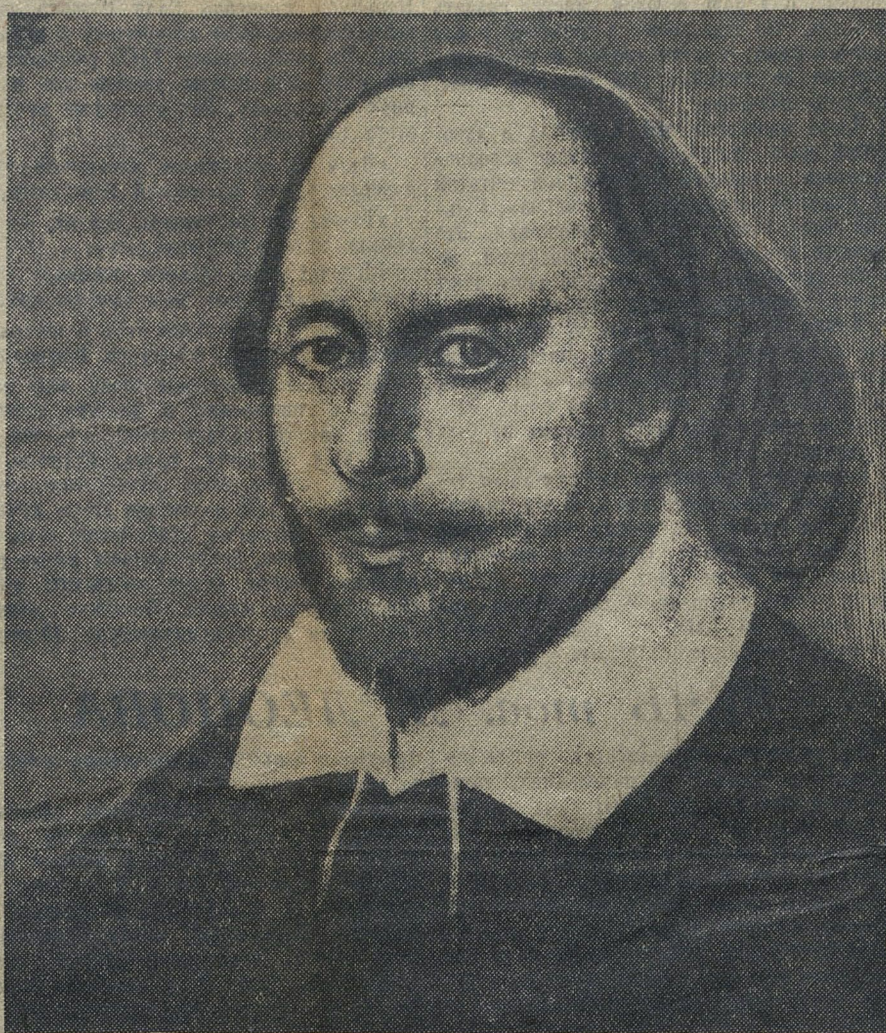
Когда сообщник узурпатора Глостера («Ричард III») Букнингем кончает речь перед толпой народа и предлагает всем кричать вместе с ним: «Да адравастует навеки великий Ричард, Англия король!» — в ответ ему не раздается ни слова. «Как немые истуканы или камни мертвые стоял народ... Народ молчит и рта не разжимает». И страшно становится Ричарду III от этого всеобщего молчания.

В безмолвии народа — приговор. Это растущая огромная сила. И в своем молчании, в своем безмолвии она уже страшна для тех, кто свое господство использует во вред народу, во вред стране.

Народ репает. Это твердо и ясно показал Шекспир. Народные персонажи, которых он выводит в своих произведениях, — работники, горожане, простые крестьяне, слуги или шуты и лакеи, — хорошо разбираются в окружающем. Они разоблачают лицемерие, лживость и всю гниль, которую они видят в жизни людей, господствующих над ними.

Заклучительный период творчества Шекспира знаменуется усилением мотивов пессимизма и разочарования. Не будучи в силах найти разрешения противоречий между действительностью со своими идеалами, не видя иного выхода в силу ограниченности условий своей эпохи, он пытается найти его в возврате к гуманистической утопии, прославляет силу человеческого разума, обращается к фантастике («Бури», «Зимняя сказка»), пытается здесь укрыться от печальной действительности. Но и в этот период Шекспир остается верен своим идеалам. Он не отрывается от гуманистической философии. Он всегда создавал образы людей-титанов, которые борются против зла, трагически погибая в этой борьбе, но, погибая, уничтожают все зло и взрывают почву для рождения нового мира. В трагедиях Шекспира неизбежно гибнут темные силы, но носители борьбы за добро и справедливость всегда оставляют после себя своих подражателей.

Основная линия шекспировского творчества — это линия борьбы гуманизма против феодальной реакции, против средневековья. Именно поэтому в наше время, когда прогрессивные силы человечества ведут титаническую борьбу против фашистской реакции, с новой силой и значением выступают основные линии шекспировского творчества — борьба гуманизма за прекрасные идеалы человечества, против реакции современного средневековья.



ШЕКСПИРОВСКИЕ ТРАДИЦИИ

А. ХОРАВА

Народный артист СССР

На Западе каждая шекспировская дата — повод для очередных изысканий в области биографии Вильяма Шекспира. Буржуазные шекспироведы больше всего занимают установление факта действительного существования актера-драматурга или же окончательное решение проблемы тождества Ретченда с Шекспиром. Для нас эти вопросы имеют третьестепенное значение. Пусть легенда, слагавшаяся веками вокруг имени великого поэта, драматурга и актера, и прежде всего знатока человеческой души и характера, останется навсегда легендой, как легендарны сказания о Гомере, Руставели и т. п. В этой легенде гораздо больше великой художественной правды, чем в творчестве многих писателей и художников, чье физическое существование твердо установлено учеными и академиками.

Для нас, работников советского театра, каждая строчка Шекспира насыщена таким непреходящим смыслом, что порой кажется, Шекспир — наш современник, соратник в деле строительства советского театра, в деле борьбы против всех и всяческих штампов, рабского, слепого преклонения перед обветшалыми традициями, борьбы за неземную правду о живом, противоречивом и всегда ищущем правды, справедливости, добра и красоты человеке. Беспокойство мысли каждого шекспировского героя вконец противоречит желанию раз и навсегда установить традиционную трактовку персонажей бессмертных трагедий и комедий Шекспира. Консерваторам, архантам, людям, пеняющим прежде всего внешнее благополучие и неомраченный покой, Шекспир враждебен по самому своему существу. Не для того писал и творил великий мастер Вильям Шекспир, чтобы ремесленникам от искусства жить спокойно и удобно. Человек-борец, думающий о благе всего человечества и умевший подчинить ему свои собственные страсти и интересы, — вот наиболее шекспировский человек.

Шекспир любил человека, знал его, умел проникать в самые сокровенные тайники его души. Гамлет — это не только отчаявшийся размышляющий скептик; Отелло — не только простодушный «ребенок», чья вера в человека потерпела крушение;

Ричард III — не только прообраз уродливости, коварства, беззастенчивости и лжи, а полусказочный король Лир — не только выживший из ума старик, переживающий трагедию разочарования в своих дочерях. В каждом своем герое Шекспир прежде всего создавал человека, борющегося с неправдой, несовершенством самого человека и человеческого общества.

В современном капиталистическом театре о Шекспире забывают на долгие десятилетия. Каждая страна, каждая «школа», каждый режиссер и актер стараются прежде всего приспособить Шекспира для нужд преходящих. До человеческого характера, до мира идей и чувств шекспировских героев им нет почти никакого дела. В театрах фашистских стран пытаются облечь Гамлета в костюм штурмовика, из кожи лезут вопли для того, чтобы доспехами ренессансного генерала замаскировать черныи цвет кожи шекспировского мавра Отелло. А в стране социализма эти герои шекспировского репертуара как бы впервые зашли на сцену своей полнотой, истинно человеческой жизнью.

Мир Шекспира беспредельно широк, место действия в его пьесах разнообразно и не ограничено никакими условными рамками. Гражданину Советской страны всегда хочется простора, приволья, его жизнь протекает при самых разнообразных психологических и жизненных ситуациях. Коллизии нашего советского современника развертываются не только на поле битвы его собственной души, но и в столкновении с всевозможными внешними обстоятельствами; поэтому действительность в самом широком смысле этого слова, жизненный «простор», свойственные шекспировским героям, чрезвычайно близки нашему советскому зрителю.

Правда человеческой жизни, человеческой борьбы, поражений и побед человека и прежде всего его борьбы за усовершенствование мира, общественного порядка, самого характера человеческого — это и есть правда Шекспира. Поэтому Вильям Шекспир никогда не перестает быть для нас близким и глубоко волнующим художником-современником, поэтом-мыслителем.

МЕЧТА О РОЛИ

А. АБРИКОСОВ

Артист театра им. Вахтангова

Много лет я думаю об образе Гамлета, принца датского. Не знаю, когда я эту роль сыгрую. Но мне ясно одно — пессимизм, составляющий философскую основу этой глубочайшей из трагедий Шекспира, для меня не будет самоцелью. Это только фон.

Бунтарское, протестующее начало характера Гамлета также занимает в его душе, в истории его жизни не последнее место.

Когда я буду произносить знаменитый монолог Гамлета — «Быть или не быть?» — акцент мною будет сделан на последнем слове. Быть!

В. БЕЛОУРОВ

Артист МХАТ СССР им. Горького

Мне хочется сыграть злодея Яго в «Отелло». До сих пор в роли этого безудловно коварного, недоброжелательного, лицепоного положительного стимулов человека почему-то подчеркивалось «злодейство» только как результат его психологических качеств.

Но ведь эти качества надо понять, надо по-человечески омыслить. А поведение Яго определялось разнообразнейшими мотивами и побуждениями. С одной стороны, ничем неограниченное честолюбие, стремление к власти, к почету. С другой, — нелепая, ни на чем не основанная ревность к Отелло. Без Яго непонятен Отелло. Может быть, это необычное желание для актера, играя Яго, помочь раскрытию самого существа главного героя трагедии, но во мне это необычное желание давно созрело.

Е. ГОГОЛЕВА

Народная артистка РСФСР

Иногда я себе очень ярко представляю сцену убийства Дункана. Ночь во дворце, сквозь темные покои движется дерзкий, ослепленный страстью и обуреваемый внутренними урызнениями совети Макбет, а впереди него, освещая путь высоко поднятым светильником, его жена и лади, будущая королева.

Лади Макбет — предел моих актерских устремлений. Я хочу показать внутренние переживания, борения различных «начал» в душе этой властной женщины.

Муки страха и жажды власти и удачи во что бы то ни стало — лейтмотив одной из самых трагических сцен в «Макбете», сцены «стирания пятен». Понять злодейство — это значит разоблачить его и бесповоротно, без остатка, безо всяких колебаний осудить. Показать трагическую вину лади Макбет, не отказывая ей при этом во многих других, положительных чертах ее женского характера, — это и значит осудить ее жизнь, ее характер, сильный характер женщины, наделенной большими чувствами, но искорененной бесплодной, пустой, нежизненной мрачной целью, к которой она всем своим существом устремлена.

А. ГОРЮНОВ

Заслуженный артист РСФСР

В Фальстафе меня привлекают его юмор, любовь к жизни, добродушие и страсть к сочному, смачному слову. Пусть любовь Фальстафа к жизни показана в чрезмерно плотских проявлениях, которые часто переходят границы дозволенного. Но остроумие, жизнерадостность делают его в значительной степени выразителем протеста против мешанских условностей современного Шекспиру быта.

За Шейлоком установилась репутация злого, мстительного, скупого ростовщика с холодным сердцем и скупой философией. Это неправда! По крайней мере, мне венецианский купец кажется не таким. Все эти черты есть в характере Шейлока, но они не исчерпывают его сущности. Шейлок — человек, одержимый единственной страстью — страстью протеста, мщения. Он пользуется своим положением для того, чтобы бороться против окружающей его среды. Если по справедливости рассудить, то в поведении Антонио, Бассanio и других положительных героев трагедии не меньше, а, пожалуй, больше волевого, чем в поведении затравленного зверинкой ненавистью Шейлока. Шейлок жесток, но и любвеобилен. И любовь этого старика-еврея из Венеции к своей дочери Джессике — одно из самых трогательных проявлений отцовского чувства во всей мировой литературе.

В. ЕНЮТИНА

Артистка театра Революции

Катарина в «Укрощении строптивой» — один из самых сильных женских характеров мировой литературы. Сила и своеобразие Катарины — не в «воле к власти», не в упорстве. Сила Катарины — в ее исключительной женственности и в стремлении к наиболее полному и свободному выражению своего человеческого характера.

Катарина — женщина глубоких чувств, нежного сердца, женщина, способная любить до самозабвения.

Эту героиню шекспировской комедии мне хочется сыграть на сцене.

С. МИХОЭЛС

Народный артист СССР

Есть роли, над которыми актер часто задумывается: это роли-мечты, владеющие им по многу лет. Я страстно желаю сыграть Ричарда III, одного из самых циничных и противоречивых героев мировой драматургии, человека волевого, действенного, ни перед чем не останавливающегося, не привыкшего отступать.

Я хочу попытаться психологически разгадать природу, характер, душевный строй врага — врага всего человеческого, всего прекрасного, врага морально устойчивого и сильного, нашего сегодняшнего врага. Однако мне кажется, что сводить вопрос только к оправданию или осуждению «злодея» в Ричарде III — слишком маленькая задача. Конечно, его следует показывать таким, как его задумал Шекспир. Но на советской сцене Ричарда надо играть не как «автономное» проявление, пусть и свихнувшегося, «человеческого духа», а как уродливое и трусливое порождение социальной среды его эпохи.

М. ТАРХАНОВ

Народный артист СССР

Вот мечта моей сорокалетней актерской жизни. Я хочу сыграть роль Фальстафа. Во всем мировом репертуаре нет персонажа более заманчивого, но и более трудного для характерного актера. Фальстаф — это характер мажорный, безудержный, полный веселого озорства, скорый на выдумки и обман; но Фальстаф же и натура исключительно минорная, привыкшая к несчастью и жизненным неудачам. Все это воплощено в образе этого почтенного, а, может быть, и очень мало почтенного сэра из свиты английских Генрихов.

Трус, похотливый волокатка, бедняк, склонный к вспышкам великодушия и доброты, весельчак и пьяница, обманщик и циник — какая сложная и многогранная натура!

В. ТОПОРКОВ

Народный артист РСФСР

Еще в театральном школе я мечтал сыграть роль Фальстафа. Спектакль о Фальстафе должен прежде всего быть остро-сатиричен. Сюжет «Фальстафа», психология этого нищего царедворца, наполовину шута, рыцаря не столько меча и шпаги, сколько острого словца и хитровой выдумки, — прекрасный повод для создания театральной сатиры. Темой спектакля о Фальстафе должен фактически явиться не только и не столько сам сэр Фальстаф, сколько «фальстафизм», как своеобразный комплекс черт человеческого характера.

В. ХЕНКИН

Заслуженный артист РСФСР

— Чья это могилка? — спрашивает Гамлет.

И 1-й могильщик на кладбище отвечает ему:

— Моя, сударь... Не ваша.

Лет 25—30 назад, когда я вместе с известным в то время трагиком Муравленко-Свириком играл в провинциальном театре эту сцену из «Гамлета», я испытал неясное чувство ужаса и восторга.

С тех пор утекло много воды. Я стал актером исключительно веселым по своему амплуа. Таким знают меня зрители театра и посетители эстрадных концертов. Мне трудно что-либо возразить против таких оценок. Но я многое отдал бы за то, чтобы снова сыграть в «Гамлете» роль одного из двух могильщиков.

И еще об одной шекспировской роли я мечтаю — о роли Мальволио («Двенадцатая ночь»). Я бы хотел, чтобы Театр багир поставил шекспировскую «Двенадцатую ночь». Без всякого гротеска, без кривляния и сухого уминовения, но с живым, грубоватым юмором хочу сыграть я эту роль, чтобы и мне и зрительному залу было весело от того, как показываю я этого желчного и бессильного неудачника.

ЛЯЛЯ ЧЕРНАЯ

Артистка цыганского театра «Ромэн»

Шекспир знал о существовании цыган, но он знал о них, как об изгоях человеческого общества, полудиках бродя-

Убитых ими жертв. Иных сгноили
Отравой их собственные жены.
Иных во сне сразила смерть — и все —
Убиты...

(«Король Ричард II», д. 3-е, сцена 2-я).

Шекспир не только умел видеть и понимать сущность происходящих событий и выдвигаемых историей задач, но был страстным борцом за прогрессивные исторические идеалы своего времени. Поэтому он не мог не обнаружить скрытую во внутреннюю сущность развития действительности, не мог не обнажить ее до глубины, до живой ткани.

Шекспир видит, как окружающая его действительность становится хаосом эгоистических сил и устремлений, как этот хаос разрушает идеальную гармонию мира, созданную представлениями гуманистов эпохи Возрождения.

И в творчестве Шекспира открывается новый период.

Шекспир-художник попрежнему глубоко верит в человека, в его внутренние силы и возможности. Но он уже отчетливо начинает ощущать трагическую ограниченность этих возможностей. Так развивается и углубляется трагическое в его творчестве. Трагизм Гамлета-гуманиста, верившего в «homo universalis», состоит в том, что он оказывается слабым в столкновении с темными силами. Но он ос-

подствужает над ними.

Заключительный период творчества Шекспира знаменуется усилением мотивов пессимизма и разочарования. Не будучи в силах найти разрешение противоречий между действительностью со своими идеалами, не видя иного выхода в силу ограниченности условий своей эпохи, он пытается найти его в возврате к гуманистической утопии, прославляет силу человеческого разума, обращается к фантастике («Буря», «Зимняя сказка»), пытается здесь укрыться от печальной действительности. Но и в этот период Шекспир остается верен своим идеалам. Он не отрекается от гуманистической философии. Он всегда создавал образы людей-титанов, которые борются против зла, трагически погибая в этой борьбе но, погибая, уничтожают все зло и варыхляют почву для рождения нового мира. В трагедиях Шекспира неизбежно гибнут темные силы, но носители борьбы за добро и справедливость всегда оставляют после себя своих подражателей.

Основная линия шекспировского творчества — это линия борьбы гуманизма против феодальной реакции, против средневековья. Именно поэтому в наше время, когда прогрессивные силы человечества ведут титаническую борьбу против фашистской реакции, с новой силой и значением выступают основные линии шекспировского творчества — борьба гуманизма за прекрасные идеалы человечества, против реакции современного средневековья.

Каждая строчка Шекспира насыщена таким непреходящим смыслом, что порой кажется, Шекспир — наш современник, соратник в деле строительства советского театра, в деле борьбы против всех и всяческих штампов, рабского, слепого преклонения перед обветшалыми традициями, борьбы за незабываемую правду о живом, противоречивом и всегда пишущем правду, справедливости, добра и красоты человека. Беспокойство мысли каждого шекспировского героя вконец противоречит желанию раз и навсегда установить традиционную трактовку персонажей бессмертных трагедий и комедий Шекспира. Консерваторам, архаистам, людям, ценящим прежде всего внешнее благополучие и неомраченный покой, Шекспир враждебен по самому своему существу. Не для того писал и творил великий мастер Вильям Шекспир, чтобы ремесленникам от искусства жилось спокойно и удобно. Человек-борец, думающий о благе всего человечества и умеющий подчинить ему свои собственные страсти и интересы, — вот наиболее шекспировский человек.

Шекспир любил человека, знал его, умел проникать в самые сокровенные тайники его души. Гамлет — это не только отчаявшийся, размышляющий скептик; Отелло — не только простодушный «ребенок», чья вера в человека потерпела крушение;

Отелло. А в стране социализма эти герои шекспировского репертуара как бы впервые зажили на сцене своей подлинной, истинно человеческой жизнью.

Мир Шекспира беспредельно широк, место действия в его пьесах разнообразно и не ограничено никакими условными рамками. Гражданину Советской страны всегда хочется простора, приволья, его жизнь протекает при самых разнообразных психологических и жизненных ситуациях. Коллизии нашего советского современника разворачиваются не только на поле битвы его собственной души, но и в столкновении с всевозможными внешними обстоятельствами; поэтому действенность в самом широком смысле этого слова, жизненный «простор», свойственные шекспировским героям, чрезвычайно близки нашему советскому зрителю.

Правда человеческой жизни, человеческой борьбы поражений и побед человека и прежде всего его борьбы за усовершенствование мира, общественного порядка, самого характера человеческого — это и есть правда Шекспира. Поэтому Вильям Шекспир никогда не перестанет быть для нас близким и глубоко волнующим художником-современником, поэтом-мыслителем.

А. ГОРЮНОВ

Заслуженный артист РСФСР

В Фальстафе меня привлекают его юмор, любовь к жизни, добродушие и страсть к сочному, смачному слову. Пусть любовь Фальстафа к жизни показана в чрезмерно плотских проявлениях, которые часто переходят границы дозволенного. Но остроумие, жизнерадостность делают его в значительной степени выразителем протеста против мещанских условностей современного Шекспиру быта.

За Шейлоком установилась репутация злого, мстительного, скупого ростовщика с холодным сердцем и скудной философией. Это неправда! По крайней мере, мне венецианский купец кажется не таким. Все эти черты есть в характере Шейлока, но они не исчерпывают его сущности. Шейлок — человек, одержимый единственной страстью — страстью протеста, мщения. Он пользуется своим положением для того, чтобы бороться против окружающей его среды. Если по справедливости рассудить, то в поведении Антонио, Басанио и других положительных героев трагедии не меньше, а, пожалуй, больше волчьего, чем в поведении затравленного звериной ненавистью Шейлока. Шейлок жесток, но и любвеобилен. И любовь этого старика-еврея из Венеции к своей дочери Джессице — одно из самых трогательных проявлений отцовского чувства во всей мировой литературе.

хитровой выдумки, — прекрасный повод для создания театральной сатиры. Темой спектакля о Фальстафе должен фактически явиться не только и не столько сам сэр Фальстаф, сколько «фальстафизм», как своеобразный комплекс черт человеческого характера.

В. ХЕНКИН

Заслуженный артист РСФСР

— Чья это могила? — спрашивает Гамлет.

И 1-й могильщик на кладбище отвечает ему:

— Моя, сударь... Не ваша.

Лет 25—30 назад, когда я вместе с известным в то время трагиком Муравьевым-Свирским играл в провинциальном театре эту сцену из «Гамлета», я испытывал неизяснимое чувство ужаса и восторга.

С тех пор утекло много воды. Я стал актером исключительно веселым по своему амплу. Таким знают меня зрители театра и посетители эстрадных концертов. Мне трудно что-либо возразить против таких оценок. Но я многое отдал бы за то, чтобы снова сыграть в «Гамлете» роль одного из двух могильщиков.

И еще об одной шекспировской роли я мечтаю — о роли Мальволио («Двенадцатая ночь»).

Я бы хотел, чтобы Театр сатиры поставил шекспировскую «Двенадцатую ночь». Без всякого гротеска, без кривляния и сухого умствования, но с живым, грубоватым юмором хочу сыграть я эту роль, чтобы и мне и зрительному залу было весело от того, как показываю я этого желчного и бессильного неудачника.

ЛЯЛЯ ЧЕРНАЯ

Артистка цыганского театра «Ромэн»

Шекспир знал о существовании цыган, но он знал о них, как об изгоях человеческого общества, полудиках бродягах, кочевниках. Как изменилась судьба моего народа в Советской стране. Теперь, в дни юбилея Шекспира, я мечтаю о том, чтобы сыграть роль Катарины в «Укрощении строптивой». Я уверена, что наш цыганский театр в ближайшее время осуществит постановку этой замечательной комедии.